

Ольга Кузьмина

16+

Щенок Дикой Охоты

Ольга Кузьмина
Щенок Дикой Охоты

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Кузьмина О.

Щенок Дикой Охоты / О. Кузьмина — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Подменыш - изгой в двух мирах. Брошенный фэйри, не принятый людьми.
Возможно ли счастье для таких, как он?

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Ольга Кузьмина

Щенок Дикой Охоты

О дитя, иди скорей
В край озёр и камышей
За прекрасной феей вслед -
Ибо в мире столько горя, что другой дороги нет.

У.Б. Йейтс

Щенок был белоснежный, с такими рыжими ушами, что они казались красными. Он возился в грязи возле тростниковой подстилки, на которой лежала оценившаяся ночью Дина.

– Что же ты? – упрекнул собаку Мартин, подбирая щенка и подсовывая к двум собратям. – Он же голодный.

Дина слабо махнула хвостом. Она часто дышала, в уголках глаз запеклись бурые корочки.

– Попить ей надо, – закончившая доить коз мать плеснула в миску молока. Выпрямилась, потирая поясницу, и замерла, разглядывая третьего щенка.

– Красивый, правда? – Мартин пальцем погладил шелковистую белую мордочку. – Ой, смотри, у него глаза открылись!

– Иванова ночь! – мать стянула у горла вязаную шаль. Начинаясь день обещал быть тёплым, но её сотрясала дрожь. – Опять...

Она закашлялась – сухо, надрывно, зажимая рот ладонью. Согнувшись, вышла из хлева. Мартин беспомощно посмотрел ей вслед. Дина заскулила. Миска стояла у самой ее морды, но собака даже не приняла. Мартин окунул палец в молоко, поднес к ее носу. Дина вздохнула и закрыла глаза. Два серых щенка пищали, тыкаясь незрячими мордочками в ее тощие соски. Мартин уронил руку. Белый щенок приподнялся на дрожащих передних лапках, схватил его палец и принялся сосать.

Бриджит стояла, прислонившись к стене хлева. Подойник она поставила на землю, чтобы не расплескать молоко. Проклятый кашель! И травы больше не помогают. Бриджит отняла от губ ладонь. Опять кровь, всё нутро ей этот кашель отбил. Она отерла ладонь о передник. Что будет с Мартином, когда она умрет? Соседи и так на него косятся, а теперь ещё этот щенок...

– Мама! – из хлева выглянул Мартин. Одной рукой он вытирал слезы, другой – скрюченной – неловко прижимал к себе белого щенка. – Мама, Дина умерла...

Бриджит подняла глаза на своего единственного сына. Худой, кривобокий, голова едва держится на тощенькой шее. Не ребенок – надломленный стебель чертополоха.

– Дина была уже старая, сынок, – Бриджит сглотнула солоноватую слюну. – А щенки ее?

– Они не пьют козье молоко. Только этот, – Мартин погладил белого щенка. – Я его с пальца покормил, но у него задние лапки не шевелятся. Отчего это, мама?

"Что вам нужно от меня? – бессильно подумала Бриджит. – За что вы меня мучаете? Ведь двадцать лет прошло!"

Каким жарким было то лето. С душными, грозowymi ночами. На холме Кюленаграна в разрушенном форте фэйри отцветала бузина. Все дети знали – кто встанет под куст бузины на Иванову ночь, тот увидит короля Добрых соседей. Бриджит поспорила с соседским Патриком, кто из них не струсит пойти туда ночью. Патрика вовремя поймала мать. Бриджит отыскали только утром – спящую на склоне холма.

Родители потом год следили за ней. Бриджит на всю жизнь запомнила их взгляды исподтишка – испуганные, недоверчивые. Теперь люди так же смотрят на ее сына. Неужели она чем-

то обидела Добрых соседей? Сколько лет она задает вопросы в пустоту. Никто ей не отвечает – ни Бог, ни Они.

– Что ж, – Бриджит вздохнула, – бери щенка в дом. Бог даст, вылечим.

Лопаты с чавканьем поддевают сырую землю, бросают её на дерн, уложенный на крышку гроба. Середина декабря, а снега ещё ни разу не было. Мартин переступил окоченевшими ногами. Из старых башмаков он вырос, а новые мама купить не успела. Мартин мазнул ладонью по щекам, стирая холодные капли. Он не плакал. Ночью Финн лизал ему лицо горячим языком и слизал все слезы. Теперь Мартин прятал от серого света сухие глаза. Мамина шаль, которой он укрылся с головой, напиталась моросью, отяжелела. Мартин хотел домой, к горящему в очаге торфу, к запаху парного молока, свежесрезанного тростника и вереска. К теплу свернувшегося на их общей постели Финна.

Имя сказочного героя выбрал для щенка Мартин. Чтобы вырос сильным и смелым. Все лето Финн пролежал в старой люльке, плетеной из ивовых прутьев. При виде Мартина поднимал лобастую голову, смешно топорщил рыжие уши. Почти не скулил, даже когда Мартин брал его задние лапы, разминал, гладил, как научила мама, прикладывал влажные листья щавеля. Крал на пол, заставляя понемногу ползать.

На третий месяц щенок сам вылез из люльки и с тех пор ни на шаг не отходил от Мартина. Мама тогда заулыбалась, и даже, вроде, поздоровело ей.

Священник всё читал молитвы. Тяжелая ладонь опустила на плечо Мартина, нажала, заставляя опуститься на колени. Штаны тут же напитались холодной водой. Теперь долго сохнуть будут. А ведь огонь в их хижине сегодня не разводили. И тростник на полу не меняли. А коз ещё вчера увела к себе соседка. Финн зарычал на нее, она шарахнулась, плюнула в его сторону и перекрестилась. Мартин обнял щенка, погладил, успокаивая. Соседка что-то проворчала и снова плюнула через плечо.

Наконец служба закончилась. Могилу засыпали доверху. Ноги Мартина застыли уже до бедер, колени ломило. Чтобы встать, пришлось оттолкнуться здоровой рукой от земли. Шаль при этом чуть не упала. Марнин чувствовал на себе любопытные взгляды соседей, пока брел за дедом по размокшей дороге. Пэт Боланд приехал затемно и сказал, что они уедут сразу после похорон.

Мартин смутно помнил своего отца. Дэвид Боланд умер, когда мальчику было пять лет. В памяти остались сильные руки, колючая щетина, веселый смех, стук молотка. Отец любил насвистывать во время работы, и Мартин пытался ему подражать, но губы не слушались, и мелодии ускользали.

Пэт и Нора Боланд – отец и мать Дэвида – жили на хуторе возле городка Клонмелл. Мартин с мамой ни разу у них не были. Отец раз в году ездил к родителям, но они его не навещали. Только однажды Мартин видел Нору и Пэта Боландов – когда они приехали на похороны сына.

– Пошевеливайся.

Пэт даже не зашел в хижину. Узелок с тремя рубашками и теплыми штанами Мартина уже лежал в телеге. Серая лошадь нервно косила глазом на белого рослого щенка с огненно-рыжими ушами. На кладбище Финн не пошел, остался лежать на пороге хижины. А теперь радостно прыгал вокруг Мартина.

– Он с тобой, значит? – Пэт тяжело глянул на щенка.

Мартин молча кивнул. Финн наострил уши, посматривая то на хозяина, то на чужого человека в пропахшей дымом куртке. На скулах Пэта заходили желваки.

– Ладно, – буркнул он. – Поехали.

Конь бежал ровной рысью. Деревня Балливадлеа осталась далеко позади, а Мартин всё оборачивался. Он любил их с матерью хижину. Любил огород с тремя корявыми яблонями и грядками, которые старательно пропалывал. Любил луговину за домом, где паслись козы. Там каждое лето цвел волшебный лусмор¹. Умные козы не ели высокие стебли с пурпурными цветами.

Кто теперь будет жить в их хижине? Или придут люди с ломами и разрушат её? Пока мама была здорова, она вязала красивые шали, лучше всех в деревне, и продавала в Клонмелле. Им хватало на аренду жилья. Мартин тихонько шмыгнул носом. От тряски у него заболела голова, ныли пальцы и колени, как всегда в холодную сырость. Финн легко бежал рядом с телегой, его радовала эта прогулка. Глядя на него, никто бы не поверил, что в первые три месяца жизни этот щенок ползал, волоча за собой задние лапы. Время от времени Финн весело подпрыгивал и тыкался головой в колени Мартина. Пэт глухо молчал, изредка потряхивая вожжами. К обеду у Мартина забурчал живот. Пэт достал сверток с ломтями хлеба, намазанного маслом. Сунул два куска Мартину и внимательно, с непонятым ожиданием смотрел, как мальчик ест. Потом отвернулся. Тогда Мартин тихонько бросил половину куска Финну. Тот поймал на лету и проглотил. Мартин бережно собрал с колен все крошки и отправил в рот. Хотел заговорить с дедом, но не мог придумать, что сказать. Так – в давящем молчании – они и добрались до хутора.

Дом оказался большим и многолюдным. Кроме хозяина с хозяйкой здесь жили две рыжеволосые служанки – чуть постарше Мартина – и овдовевшая сестра Пэта.

Нора Боланд, высокая крепкая женщина с седыми волосами, скрученными в тугой узел, встретила мужа и внука у двери. Скрестив на груди руки, она окинула неловко спрыгнувшего с телеги Мартина внимательным взглядом серых глаз и брезгливо поджала губы.

– Спать будешь в общей комнате. Собаку в дом не заводи, иначе обоих в конюшню выставлю.

Она повернулась и вошла в дом. Мартин похлопал Финна по спине.

– Сиди здесь. Я скоро приду.

Финн обиженно посмотрел на него, отошел подальше от двери и лёг на пожухлую траву, положив длинную морду на лапы. Мартин вздохнул и вошел в дом. Общая комната поразила его размерами – шагов десять в длину – и огромным очагом с железной решеткой. "В таком можно корову целиком зажарить, – подумал Мартин. – Как у великанов в сказке".

¹ Лусмор – наперстянка. Это растение в Ирландии считается волшебным, его связывают с фэйри.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.